

- ⁵⁹ Там же, л. 3 об.
⁶⁰ Там же, л. 12 об.
⁶¹ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.–19.
⁶² Там же, л. 19.
⁶³ Там же, д. 109, л. 15.
⁶⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 3 об.
⁶⁵ Там же, л. 8 об.
⁶⁶ Там же, л. 3 об.
⁶⁷ Там же, л. 12 об.
⁶⁸ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
⁶⁹ Там же, д. 136, л. 19.
⁷⁰ ГА ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 19 об.
⁷¹ ГА ВО, ф. К11988, оп. 1, д. 136, л. 19.
⁷² ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, д. 8 об.
⁷³ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 19 об.
⁷⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 20.
⁷⁵ Там же, л. 50 об.
⁷⁶ Там же, л. 8 об.
⁷⁷ ГАОПИ ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
⁷⁸ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁷⁹ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸⁰ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸¹ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸² Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸³ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸⁴ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸⁵ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 246–258.

© 2010 г. М.А. БЕЗНИН, Т.М. ДИМОНИ*

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРХУШКИ КОЛХОЗНО- СОВХОЗНЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ В РОССИИ 1930–1980-х годов

Основной период раскрестьянивания и формирования новых социальных групп российского села охватывает шестидесятилетие 1930–1980-х гг. Этот процесс экономически детерминирован и связан с победой аграрного капитализма в российской деревне¹. На наш взгляд, раскрестьянивание – достаточно типичное для мировой истории явление – в России произошло в специфических условиях государственной капитализации. Очень специфичным для России было и новое социальное структурирование сельскохозяйственного населения, приходившее на смену социальному устройству аграрного общества.

Понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества в западной науке сложилось еще в 1930-е гг. Зарубежные исследователи особенно настойчиво подчеркивали складывание в советском обществе «государственной буржуазии» – слоя «управляющих», связанного с концентрацией распределительных функций, командованием средствами производства². В частности Д. Бернхем считал, что власть в России уже в 1940-е гг. перешла к менеджерам, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник; причем он указывал, что именно с России начинается «мировая

---

* Безнин Михаил Алексеевич, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

Димони Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

революция менеджеров»³. Большое значение для изучения социальной трансформации российского села имеет теория человеческого капитала, разработанная Г. Беккером в 1960-е гг. Под человеческим капиталом понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков, мотивации⁴. К важнейшим видам человеческих инвестиций относят образование, подготовку на производстве, информационный поиск и другое. Следует сказать, что и отечественные историки и социологи при господстве в советской науке трехчленного деления социальной структуры советской деревни (два класса и одна прослойка) уже в 1960 – начале 1970-х гг. стали выходить за рамки этой схемы. В частности, обращалось внимание на то, что в крестьянстве сложилось определенное количество «структурных групп», различающихся по доходам, образованию, профессиональной подготовке⁵. Особенно в этом плане выделялась монография Ю.В. Арутюняна, который на основе данных переписи населения 1959 г. доказал, что на первый план в деревне этого периода выступают социально-профессиональные различия. В то же время он писал, что «идентичные социально-профессиональные группы колхозно-кооперативного и государственного секторов приобретают столь большое сходство, что все больше выступают внутри села в качестве слитых слоев»⁶. По мнению Р.В. Рывкиной, именно исследование Арутюняна впервые в отечественной историографии поколебало общепринятое представление о социальной структуре советского общества, предложив меньший интервал структурирования, когда элементом структуры становился не класс, а социально-профессиональная группа⁷. Таким образом, подчеркивает Рывкина, была выдвинута другая социальная категория анализа, что позволило выявить стратифицированность сельского населения страны и показать более сложный спектр социально-классового состава деревни, явно подвергавшийся и дальнейшей трансформации. Исследования Арутюняна были продолжены и развиты в работах В.И. Староверова, проводившего анализ региональных различий социальной структуры сельского населения страны. Он также зафиксировал существенные сдвиги в составе сельского населения, внутриклассовых отношениях, выявил формирование пограничных социальных групп⁸.

Характерно, что социологические исследования, относящиеся уже к постсоветскому времени (В.И. Староверов, Т.И. Заславская), однозначно подчеркивают преемственность слоя сельских капиталистов, легитимизировавшихся после 1991 г., с верхушкой сельхозпредприятий позднего советского времени. Заславская в 1990-е гг. констатировала, что «большинство новых капиталов возникло и продолжает расти преимущественно за счет использования государственных средств и ресурсов, доступ к которым связан с должностным положением»⁹.

Это, конечно, не означает, что уже в советском сельском хозяйстве существовал слой, полностью реализовавший права собственности, живущий на прибавочную стоимость и непосредственно эксплуатирующий трудящихся села. Правильнее было бы говорить о формировании в советский период сельской *протобуржуазии*, чье место в управленческой системе было связано с возможностью частичной реализации прав собственности и влекло за собой, в конечном итоге, ее включение в процесс накопления капитала.

Цель данной статьи и заключается в том, чтобы проследить основные параметры формирования этого слоя в 1930–1980-е гг.: динамику численности, отношение к собственности, эволюцию правового статуса и материального положения, а также изменения ментально-поведенческих характеристик с учетом того, что «существенные сдвиги в массовой психологии, структуре социальных ценностей, традициях на бытовом уровне» составляют не менее важный аспект трансформаций, «нежели изменения в законодательстве, политическом устройстве и даже в отношениях собственности»¹⁰.

Легализовавшаяся в 1990-е гг. российская сельская буржуазия формировалась из разных социальных слоев города и деревни. Однако в наибольшей степени социальную подготовку капиталистической направленности прошла верхушка колхозно-совхозных управленцев, которых мы и относим непосредственно к сельской протобуржуазии советских времен: председатели колхозов, директора совхозов и директора МТС.

Самую многочисленную группу среди верхушки управленцев 1930–1980-х гг. составляли председатели колхозов. В период становления колхозной системы их численность в РСФСР составляла 54,3 тыс. человек (1930 г.), затем возросла до 151 тыс. (1932 г.), на момент завершения складывания колхозного строя приближалась к 170 тыс. человек (1938 г.). Резкое уменьшение численности председателей колхозов происходит уже в 1950 г. (до 67 тыс. человек) и продолжается в 1950–1960 гг. (1967 г. – 15,8 тыс. человек). К концу советского периода их численность составила 12,1 тыс. человек (1987 г.)¹¹. Причинами изменения численности председателей колхозов являлось, прежде всего, преобразование колхозов из мелких в более крупные хозяйства, когда происходило слияние сельхозартелей (особенно во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.), а позднее – массовое преобразование колхозов в совхозы (вторая половина 1950-х–1960-е гг.). У рассматриваемой группы был своеобразный резерв – освобожденные заместители председателей колхозов. Вторая по значимости группа сельской протобуржуазии – директора совхозов – в начале колхозно-совхозного периода очень серьезно отставала по численности от первой группы и практически догнала ее в конце 1980-х гг.: в 1930 г. директоров совхозов насчитывалось в РСФСР 2,7 тыс. человек, в 1940 г. – 2,6, в 1955 г. – 2,8, в 1959 г. – 4,5, в 1961 г. – 6,5, в 1971 г. – 8,7, в 1980 г. – 11,8 тыс. человек; в 1987 г. директорами совхозов работали 12,6 тыс. человек¹². Третью группу составляли директора машинно-тракторных станций. Численность этой группы в России составляла в 1930 г. – 91 человек, в 1932 г. – 1,4 тыс. человек, в 1938 г. – 3,9 тыс., в 1940 г. – 4,5 тыс., в первой половине 1950-х гг. – около 5,3 тыс. человек¹³.

Таким образом, общая численность руководящей верхушки сельхозпредприятий России в течение 1930–1980-х гг. колебалась: число председателей колхозов, стремительно возраставшее в 1930-е гг., в послевоенный период сокращалось, численность директоров совхозов, бывшая достаточно стабильной до середины 1950-х гг., затем увеличилась в разы, численность же директоров МТС возрастала в течение всего периода их существования. Соотношение этих групп в течение колхозно-совхозного периода также было достаточно динамичным. До 1980-х гг. наибольшей по численности группой были председатели колхозов, второе по численности место занимали до середины 1930-х гг. директора совхозов, третье – директора МТС. Во второй половине 1930-х гг., при сохранявшемся преобладании по численности председателей колхозов, на второе место выходят директора МТС, третье занимают директора совхозов. Это соотношение меняется после реорганизации МТС. До середины 1980-х гг. председатели колхозов опережали по численности директоров совхозов, но во второй половине 1980-х гг. директора совхозов заняли лидирующие по численности позиции.

Прослеживая соотношение групп руководящей верхушки сельхозпредприятий к среднегодовой численности работников колхозов и совхозов, можно утверждать, что доля председателей колхозов в численности колхозников, занятых в общественном производстве колхозов РСФСР, постепенно сокращалась. В конце 1930-х гг. она равнялась приблизительно 1%, в 1950 г. – 0,5, в 1980 г. – 0,2, в 1987 г. – 0,3% в среднегодовой численности колхозников, занятых в общественном хозяйстве колхозов. В то же время доля директоров совхозов в численности работников совхозов была достаточно стабильной, составляя в 1940 г. – 0,3%, в 1970 г. – 0,1, в 1980 г. и 1987 г. – по 0,2%¹⁴.

Динамика численности и структуры верхушки колхозно-совхозного села чрезвычайно показательна с точки зрения особенностей капитализации в советской деревне. Огромная масса высшего слоя управленцев в начальный период и ее резкое сокращение к концу советской истории не были случайными. Парадоксальность сокращения протобуржуазного слоя по мере нарастания капитализации экономики является только внешней. В начальный период складывания колхозной системы была необходима большая по численности группа, которая могла в рамках мелких хозяйств выполнить возложенную на нее миссию – сломать многовековой крестьянский уклад и дать толчок форсированному процессу первоначального накопления. С этой задачей высший слой деревенской власти в основном справился к 1950-м гг. Процессы концентрации

капитала сделали необходимыми не только уменьшение численности протобуржуазного слоя и его структурную перестройку, направленные на более динамичное продвижение капитала в сельское хозяйство, но и качественное изменение слоя сельской протобуржуазии. Вторжение «инородных элементов» – двадцатипяти тысячников, тридцатитысячников, насыщение слоя «человеческим капиталом» (специалистами сельского хозяйства), применение иного инструментария – сделали возможным изменение наполнения управленческих функций: от повседневного контроля за производственными операциями к решению серьезных задач трансформации экономического механизма в русле капитализации производственных процессов и отношений.

Интересны изменения, происходившие в *воспроизводстве* на селе управленческой верхушки. За председателями колхозов 1930–1940-х и отчасти 1950-х гг. в историографии утвердилось наименование «практики»: «Большинство из них были потомственными земледельцами, выходцами из семей крестьян-бедняков, некоторые – представителями рабочего класса»¹⁵. Действительно, известно много председателей колхозов с этой типичной биографией. Имеющиеся статистические данные показывают, что в 1931 г., например, на Северном Кавказе 84% председателей колхозов были выходцами из крестьян, 10% – из рабочих, 6% – из служащих, на Средней Волге в этом же году 82% председателей колхозов являлись по социальному происхождению крестьянами, 15% – были рабочими, 3% – служащими¹⁶. При этом основная часть председателей колхозов являлась выходцами из «низших» слоев села, что можно выявить на основе анализа социального состава органов управления колхозов. В 1930 г. в колхозах РСФСР 45% членов правлений были бедняками, 36 – середняками, 8 – батраками, 6 – рабочими, 4% – служащими¹⁷. Писатель Г. Радов в книге «Председательский корпус», посвященной председателям колхозов 1930–1970-х гг., отмечал: «Среди первых председателей были по преимуществу люди безлошадные, бескоровные, одним словом, неимущие, а то и совсем горожане, земли, как говорится, и не нюхавшие»¹⁸. Отметим, что, несмотря на предпринятое властью внедрение «инородных» элементов, когда в 1929–1930 гг. в деревню были посланы рабочие-двадцатипяти тысячники для «оказания помощи в деле коллективизации», массовой замены председательского корпуса представителями этого потока не произошло, хотя часть из них и была избрана председателями колхозов¹⁹.

Типичный жизненный путь председателя колхоза, начавшего работу в 1930-х гг., показал писатель В. Тендряков, создав портрет Евлампия Лыкова – героя повести «Кончина», проработавшего на посту председателя вологодского колхоза «Власть труда» три десятка лет, с основания колхоза. По описанию Тендрякова Пийко (так называли Евлампия в начале председательской деятельности колхозники), шестому ребенку в семье, в 10 лет «отец выдал ...двадцать пять копеек на дорогу, мать повесила на плечи мешок с сухарями. В подпаски по соседству никто не брал... Помяла Пийко жизнь и потеряла, умел ладить со всяким ... Удобный человек, потом самого бедняцкого роду»²⁰. В «Председательском корпусе» Радов отмечает, что «отбирали первых председателей... не столько по деловым качествам ... Были собственники ... оборотистые, хитрющие, ворочавшие капиталами, только ведь не к ним были обращены взоры ... Другой критерий господствовал: ... пойдешь ли ты по пути, указанному Лениным?»²¹. Председатели колхозов – выходцы из зажиточных семей (или находившиеся в родстве с кулаками, «социально-чуждыми элементами» или бывшими «помещичьими» управляющими) – нередко вызывали подозрения у крестьян-колхозников и областного начальства, что приводило к постоянным апелляциям колхозников к власти²² и, в конце концов, часто к снятию председателя с поста.

Несмотря на то, что по социальному происхождению слой председателей колхозов был достаточно стабилен, сменяемость председателей колхозов в 1930-х гг. была очень высокой. В 1938 г. 47% председателей колхозов РСФСР работали до 1 года, 20 – от 1 до 2 лет, 24 – от 2 до 5 лет и лишь 9% – свыше 5 лет²³. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в этот период слой только начинал складываться, его консолидации пока не произошло.

Таким образом, коллективизация означала смену *социальных источников формирования* капитализаторского слоя российской деревни. Если до 1930-х гг. (в досоветское и советское время) сельская буржуазия в основном формировалась за счет пережизнения помещичьего землевладения и кулацкого накопительства, то так называемое социалистическое переустройство выдвинуло на ведущие позиции политически близкие новой власти слои, прежде всего, сельскохозяйственных аутсайдеров и городских рабочих, которые и выполнили через управленчество (постепенно переросшее в протобуржуазность) весьма неприглядную, но, видимо, исторически необходимую работу по разрушению мелкокрестьянской деревни, первоначальному накоплению и капиталистическому переустройству села.

Воспроизводство председательского корпуса колхозов в основном из крестьян, несмотря на активно проводившуюся со второй половины 1940-х гг. государственную политику по пополнению слоя председателей колхозов интеллектуалами (в том числе специалистами сельского хозяйства) и городским пролетариатом, сохранялось до середины 1950-х гг. Даже в 1955 г. 71% председателей колхозов СССР оставались так называемыми «практиками», т.е. по социальному происхождению были выходцами из крестьян²⁴. Изменения в процессах воспроизводства кадров председателей колхозов наиболее заметно стали происходить со второй половины 1950-х гг., когда активно развивался процесс замещения «старого» поколения председателей. Этому способствовала достаточно направленная государственная политика. В 1950 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение «об укреплении состава председателей колхозов», согласно которому планировалось выдвижение председателями специалистов сельского хозяйства²⁵. В 1952 г. примерно в каждом десятом колхозе СССР председателем был избран специалист сельского хозяйства²⁶.

Интересен вопрос об источниках пополнения кадров председателей колхозов после разрыва линии на преимущественно «крестьянское» воспроизводство. В 1950-е гг. ставка в этом процессе делалась на пополнение людьми не из сельского хозяйства: на председательскую работу нередко выдвигались горожане – работники райисполкомов, райкомов партии, МТС. В. Овечкин – автор знаменитых в 1950-е гг. «Районных будней» – пишет, что в числе выдвинутых в 1953 г. на должность председателей колхозов были заведующие отделами райкома партии, райпрокурор, заведующий райфо (районным финансовым отделом), начальник милиции, управляющий госбанком, директор ликеро-водочного завода, заместитель председателя райисполкома, судья, секретарь райкома комсомола, заведующий отделом сельского строительства, инспектор по определению урожайности²⁷. Еще более высокую степень разрыва с сельской средой в формировании слоя председателей колхозов продемонстрировало исполнение решений о посылке в деревню тридцатитысячников, как правило, горожан, зачастую инженерно-технических работников промышленности или научно-исследовательских организаций.

Одним из важнейших рубежей в изменении принципа формирования слоя председателей колхозов можно считать вторую половину 1950-х гг., когда в составе председателей становилось все больше интеллектуалов (специалистов сельского хозяйства), перемещенных работать из МТС в колхозы. Зачастую председатель колхоза, предложенный к избранию, не был знаком колхозникам, поэтому в сельскую жизнь прочно вошли насмешливые определения «сватовство», «женитьба», много говорящие о порядке представления в власть кандидатур председателей сельхозартели и их восприятии колхозниками. В 1960-е гг. и последующий период процесс воспроизводства председателей колхозов за счет слоя специалистов сельского хозяйства стал устойчивым и непрерывным. В конце 1970-х гг. слой председателей колхозов уже почти полностью формировался из них. По сведениям А.П. Тюриной, 52% председателей колхозов СССР в 1978 г. были по специальности агрономами, 15 – зооветработниками, 15 – инженерно-техническими работниками, около 8% – экономистами²⁸. О завершенности общего процесса смены воспроизводства колхозных руководителей и стабильности группы свидетельствует резкое снижение доли председателей колхозов со стажем работы в

должности до 1 года. Если в начале 1950-х гг. их доля составляла примерно четверть всех председателей колхозов СССР, то с 1957 г. она резко сократилась, составив в конце 1950-х гг. 4–5%, а в 1970–1980-е гг. – 10–14% от общего числа председателей колхозов СССР. В то же время резко нарастала доля длительно работавших председателей. В 1965 г. более 5 лет занимали пост председателя 39%, в 1970 г. – 52, в 1986 г. – 46% председателей колхозов.

Схожими с вышеописанными были процессы формирования слоя директоров совхозов и директоров МТС. До середины 1950-х гг., как отмечается в исследованиях, на руководящих должностях во многих совхозах тоже работали «практики». Таких директоров в совхозах Минсовхозов СССР в 1953 г. насчитывалось около 70%²⁹. По социальному происхождению они, как правило, были крестьянами. Большой спецификой в плане социального происхождения отличались заместители директоров совхозов по политчасти (начальники политотделов). В 1934 г. среди них 55% были по социальному происхождению рабочими, 11% – крестьянами, 33% – служащими³⁰. В середине 1950-х гг. в этой ситуации начинаются крупные изменения. Государственная политика сводится к стремлению назначать директорами совхозов специалистов с высшим образованием³¹. В 1955 г. в совхозах Министерства совхозов СССР специалистами была заменена примерно четверть общего состава директорского корпуса³². Более 90% директоров совхозов уже в середине 1960-х гг. являлись по происхождению продуктом «невнутрикрестьянского» воспроизводства. Следовательно, слой директоров совхозов более быстро и массированно, чем слой председателей колхозов, ушел от «крестьянского» воспроизводства кадров. Интересно, что стабильность состава директоров совхозов была несколько ниже, чем председателей колхозов. Так, в 1965 г. до 1 года занимали должность директора совхоза 22%, а свыше 5 лет – 24% директоров совхозов СССР³³.

Еще быстрее процесс смены источников формирования элиты развивался в МТС. Отметим, что изначально слой директоров МТС формировался, как правило, не из крестьян, а из городских рабочих, нередко двадцатипятилетних, не имевших тем не менее инженерного образования³⁴. В 1953 г. в составе директоров МТС СССР «практиками» была треть директоров³⁵. Таким образом, данный слой формировался из городского пролетариата. Кардинальные изменения в составе директоров МТС произошли в середине 1950-х гг. Сменили директоров-практиков за счет направленных из городской промышленности в 1954–1955 гг. инженеров и техников-механиков.

Таким образом, в формировании верхушки управленческого слоя на селе явно выделяются два этапа. Первый охватывает 1930-е – начало 1950-х гг. и характеризуется в значительной степени воспроизводством данного слоя за счет крестьянской среды. Второй этап начинается с середины 1950-х гг. и продолжается до конца существования колхозно-совхозной системы. На этом этапе источником воспроизводства слоя становятся интеллектуалы и городские слои. Еще одна особенность процессов формирования слоя руководителей сельскохозяйственного производства – разные темпы перехода от его воспроизводства «из крестьян» к формированию «из рабочих и интеллектуалов». Ранее всего этот процесс начал развиваться в среде директоров МТС, а затем в слое директоров совхозов и председателей колхозов. Обращают на себя внимание и качественные характеристики: большая доля наполняемости сельскохозяйственных руководителей за счет «промышленного пролетариата и промышленных интеллектуалов» в МТС и «сельскохозяйственных» интеллектуалов в совхозах и колхозах. Известно и прямое воспроизводство председательского корпуса, например, председательская династия Дубровых из трех поколений в Донбассе³⁶, династия Королевых в Липецкой обл.³⁷

Правовой статус верхушки колхозно-совхозных управленцев был неоднороден. По социальному положению председатели колхозов являлись колхозниками, директора совхозов и директора МТС – руководителями государственных предприятий. На председателях колхозов распространялись правовые нормы, характерные для колхозного населения: они были обязаны нести государственные повинности (до конца 1950-х гг.),

до 1974 г. оставались вне паспортной системы (если до момента избрания на должность не получили паспорт), имели право на приусадебный участок. В Примерном уставе сельхозартели 1935 г. определялось, что председатель артели избирается общим собранием артели «для повседневного руководства работой артели и ее бригад», как правило, на 2 года³⁸. Председатель колхоза обладал достаточно большими полномочиями по распоряжению колхозным имуществом: заключал договоры на продажу или приобретение имущества, подписывал платежные чеки и поручения, накладные на выдачу колхозной продукции, выдавал колхозникам денежные суммы под отчет и т.д.³⁹ В Уставе 1935 г. закреплялось положение о том, что права по распоряжению средствами артели, выдаче авансов, расходованию натуральных фондов предоставляются только председателю артели и правлению⁴⁰. Объем прав председателей в отношении колхозной собственности резко возрос после укрупнения колхозов, проводившегося с конца 1940-х гг., а особенно в связи с реорганизацией МТС. Председатель колхоза получал право постановки вопроса о приобретении в РТС (ремонтно-технических станциях, пришедших на смену МТС) основных орудий производства⁴¹, возрастала его роль в распоряжении серьезно увеличившимися колхозными капиталами. Это получило отражение в новом примерном Уставе колхоза, принятом в 1969 г.⁴² При этом круг полномочий председателя расширялся соответственно расширению деятельности колхоза. Согласно примерному Уставу 1969 г., колхоз мог объединять часть своих средств со средствами других предприятий для осуществления строительства, заключать договоры с организациями на продажу сельскохозяйственной продукции, покупку машин, материалов, скота, открывать в Госбанке счета и распоряжаться ими (это входило в прерогативу правления колхоза). Следовательно, при активном развитии товарно-рыночных отношений в сельском хозяйстве в 1960–1970-е гг., увеличении государственных капиталовложений в колхозы председатель контролировал крупные финансовые потоки, а во многом и распоряжался ими. В уставах колхозов закреплялось положение о том, что все действия председателя должны быть согласованы и подконтрольны правлению колхоза. Это способствовало расширению полномочий председателя колхоза, так как по уставу он же являлся и председателем правления. Отметим, что Устав 1969 г. увеличил минимальный срок нахождения председателя колхоза на должности до трех лет. В дальнейшем председатели колхозов значительно расширили свои полномочия, что зафиксировал и закрепил Примерный устав колхоза, принятый в 1988 г. В Уставе говорилось, что «правление колхоза организует выполнение планов производства и договоров на продажу сельскохозяйственной продукции, обеспечивает эффективное использование земли, трудовых, материальных и финансовых ресурсов, ... решает вопросы установления цен на продукцию, реализуемую через потребительскую кооперацию, на колхозных рынках и внутри хозяйства... заключает договоры о коллективном, семейном, индивидуальном и арендном подряде... решает вопросы о заключении договоров». При этом председатель колхоза сохранял и функции, закрепленные в предшествующих уставах. По Уставу 1988 г. полномочия председателя колхоза расширялись также и вновь введенным положением о том, что «распоряжения и указания председателя колхоза в устной или письменной форме в пределах его компетенции ... обязательны для всех колхозников и привлеченных по трудовому договору работников»⁴³.

По Примерному уставу сельхозартели 1935 г. председатель колхоза нес ответственность, прежде всего, перед государством за «своевременное выполнение колхозом денежных и натуральных обязательств, возврат ссуд, создание общественных фондов сельхозартели и т.д.». Никакого особого законодательства, оговаривающего правовой статус председателя колхоза, отличающийся от правового статуса всей массы колхозников, не существовало. Примерный устав сельхозартели 1935 г. не разграничивал председателя колхоза и рядовых колхозников ни в плане поощрения, ни в плане наказания. Тем не менее, постепенно складывается ряд особенных правовых норм, действовавших только в отношении председателей колхозов. В 1947 г. дела о должностных преступлениях председателей колхозов были переданы под юрисдик-

цию областных, краевых судов, верховных судов автономных республик, следствие по этим делам могли вести только следователи прокуратуры, а обвинительное заключение должен был утверждать прокурор области, края или республики⁴⁴. В 1955 г. после пополнения корпуса председателей колхозов тридцатитысячниками, переходившими из иного социального статуса на положение колхозников, им полагалась в течение первых трех лет работы в колхозе зарплата, выплачиваемая из государственных средств, повышенная оплата труда, на них распространялась государственная пенсионная система, предусмотренная для рабочих и служащих, сохранялось членство в профсоюзе на период их работы председателями колхозов, а, следовательно, система государственного социального страхования⁴⁵. Примерный устав колхоза 1969 г. вводил особую меру ответственности для председателей: на них могло быть наложено взыскание общим собранием колхозников⁴⁶. Это же положение повторялось в Примерном уставе колхоза 1988 г., причем в нем подчеркивалось, что «никакие государственные и кооперативные органы не вправе налагать дисциплинарные взыскания на председателя»⁴⁷.

Эволюция объемно-правового положения председателей колхозов, которое было закреплено в основополагающих документах, регулирующих их место в экономическом и социальном плане, показывает, что в течение 1930–1980-х гг. шло формирование протобуржуазного статуса этой социальной категории. Кроме того, нарастанию протобуржуазности председателей способствовало укрупнение самих колхозов (особенно этап превращения преимущественно однодеревенских в территориально и по количеству поселений более крупные в 1950–1960-е гг.). Сказывалось также усиление механизмов хозяйствования, присущих капитализированной экономике (зарплата, кредитно-денежные отношения и т.п.). Из управляющих хозяйств «полуфеодалного» типа председатели постепенно становились главными менеджерами государственно-капиталистического сельскохозяйственного производства с нараставшими у них функциями распоряжения и пользования, что свидетельствует о реализации потенциала собственника средств и продукта производства.

Реальный правовой статус председателей колхозов, однако, отличался от прописанных в законодательстве норм. Особенно это проявлялось в реализуемом объеме властных полномочий. В 1930–1950-е гг. председатель колхоза нередко чувствовал себя полновластным хозяином над личностью колхозника, взимал штрафы, исключал из колхоза, бил⁴⁸. Реализация управленческих прав председателями колхозов постепенно эволюционировала от «патриархального» типа, когда осуществление властных функций было связано с непосредственным межличностным взаимодействием с колхозниками, к типу опосредованного управления. «Когда колхозы были маленькие (это до 1959 г.), то они были лучше управляемые... Председатель... объедет, бывало, на лошади все поля, все фермы, почти в каждый дом заглянет, как да что сделано, – все это до того, как приедет в правление на планерку. А сейчас председатель колхоза, может, раз в год и заглянет» – отмечали крестьяне Вологодской обл. в начале 1990-х гг.⁴⁹

Большое значение в реализации реального правового статуса председателей колхозов имела «разделенность» властных полномочий, базирующаяся на «разделенном» праве собственности, особенно характерном для 1930–1950-х гг. С одной стороны, в реализации власти председатель опирался на бытовавшую систему деревенских кланов, как правило, родственных, что постоянно замечалось колхозниками⁵⁰. Нередко к этим деревенским кланам была «благосклонна» и районная администрация: «Пьют, как из лука бьют, водку день и ночь», – писали депутату Верховного Совета в конце 1930-х гг. колхозники о методах работы районных чиновников с руководством колхоза⁵¹. Стремление председателей колхозов уйти от клановости нарастало вместе с объемом их прав собственника. Председатель кубанского колхоза, занимавший свой пост с начала 1970-х гг., в начале 1990-х гг. «в сердцах высказался: “Местные кланы и контролируемые ими остальные станичные семьи, вот кто стоит на пути прозрачности и рационализации экономики в нашем хозяйстве”»⁵². Вместе с тем «разделенность» властных полномочий обуславливала подчиненность председателей колхозов районному и областному уровням власти. Несмотря на то, что формально с председателя

колхоза могло спросить только общее собрание колхозников, на деле эта должность входила в номенклатуру партийных органов, а следовательно была им подконтрольна. Достаточно низкий статус председателей доказывается легкостью назначения-снятия по представлению райкомов партии⁵³. С.С. Маслов фиксирует уже в 1930-х гг. сформировавшуюся зависимость колхозов от центральной власти – районного комитета партии, районного исполнительного комитета, правления районного союза колхозов, районного уполномоченного по заготовкам сельхозпродуктов и политотделов МТС⁵⁴. Ситуация послевоенного периода мало чем отличалась от довоенной⁵⁵.

Подчиненность председателей колхозов вышестоящим органам подчеркивалась также высоким уровнем применения к ним репрессивного законодательства. После войны даже ставился вопрос о недопустимости массовой судимости председателей колхозов, когда 3–6% общего числа были осуждены (данные за 1946 г.). В некоторых районах страны число осужденных председателей колхозов доходило до половины их состава⁵⁶. Тем не менее, будучи защищенными должностью и вхождением в номенклатуру, они чаще несли административную ответственность в тех случаях, когда рядовой колхозник наказывался по уголовному законодательству. Так, в 1950 г. доля привлеченных к судебной ответственности председателей колхозов СССР составляла 60% всех председателей, привлеченных к ответственности в указанном году; кладовщиков счетоводов и бригадиров – 61%, а рядовых колхозников – 70%⁵⁷.

Директоров совхозов с выдачей доверенности на управление совхозом первоначально назначал директор трестов совхозов⁵⁸. В 1935 г. директоров совхозов стал назначать нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР, а в его отсутствие – первый заместитель наркома. Директор совхоза обладал всеми правами рабочих: получал гарантированную заработную плату, состоял в профсоюзе, был включен в государственную систему социального страхования и социального обеспечения, имел паспорт. Права директоров совхозов постепенно расширялись. В 1934 г. дела о подсудности директоров совхозов и их заместителей были переданы в подсудность краевых, областных и верховных судов автономных республик⁵⁹. В 1935 г. им предоставлялось право самостоятельно назначать и смещать весь административный и технический персонал совхозов (за исключением заместителя директора и главного бухгалтера), распоряжаться средствами совхоза в пределах утвержденного промфинплана и лимитов, устанавливать конкретные объекты строительства в пределах утвержденных наркомом плана строительства совхоза, заключать хозяйственные договоры⁶⁰. Однако, как отмечают исследователи, в связи с жесткой финансовой дисциплиной директора были фактически лишены возможностей маневрирования средствами совхозов, не имея права использовать по собственному усмотрению даже фонд директора совхоза, распределение прибыли было также строго регламентировано⁶¹. В 1965 г. было принято новое положение о социалистическом государственном предприятии, по которому работали и совхозы. Положение подчеркивало права единоначалия в управлении производством, а также давало расширенный перечень прав руководителей⁶². По положению директор совхоза имел право без доверенности действовать от имени совхоза, распоряжаться (в соответствии с законом) имуществом и средствами предприятия, заключать договоры, открывать в банках счета предприятия. Директор совхоза принимал и увольнял работников, применял меры поощрения и налагал взыскания, имел преимущественное право в определении расходования фондов поощрения, распределения жилой площади между работниками. Особенно серьезным шагом на пути расширения объемно-правового статуса директоров совхозов стала реорганизация МТС в 1958 г., после которой совхозы начали покупать (а не получать в пределах лимитов капиталовложений) трактора, другие сельхозмашины и оборудование, а также постепенный перевод совхозов на полный хозяйственный расчет, начиная с 1967 г.⁶³ Директора совхозов получили право принимать решения о продаже неиспользуемой техники, скота, семян, кормов, приобретении строительных материалов у предприятий и организаций, реализации не принятой заготовителями продукции на рынке, обращения за кредитом. Директора МТС пользовались тем же кругом гражданских прав, что и

директора совхозов. Директор МТС назначался на должность органами государственного управления, распоряжался на правах единоначалия всеми средствами станции, подбирал кадры, направлял деятельность МТС. Дела о должностных преступлениях директоров МТС (как и директоров совхозов) в 1934 г. были переданы в подсудность краевых, областных и верховных судов автономных республик⁶⁴. Кроме того, директора МТС (и это было особенностью всего слоя) должны были обладать повышенной политической грамотностью, так как им вменялось в обязанности осуществлять политическое и хозяйственное руководство входящими в зону МТС колхозами. В силу этого отношения между председателями колхозов и директорами МТС складывались не просто. Председатели колхозов старались быть как можно меньше связаны с работами, выполняемыми техникой МТС, так как натуроплата за нее была достаточно высока. Директор же МТС, напротив, обязан был принять все меры для работы техники МТС в колхозах. Естественно, что председатели колхозов поневоле делили хозяйственные полномочия с директорами МТС: сроки пахоты, уборки – определялись чаще вторыми, нежели первыми. В МТС работали и самые передовые кадры колхоза – трактористы, с чем председатель колхоза также вынужден был считаться.

Оценивая правовой статус рассматриваемых слоев, можно сказать, что директора МТС и совхозов были более привилегированной категорией, чем председатели колхозов. Они обладали большим объемом гражданских прав, были связаны с передовыми формами собственности, в связи с чем им давались определенные привилегии. В то же время председатели колхозов нередко были более свободны в реализации властных прав и прав собственности, что приводило к парадоксальному явлению: именно в их среде протобуржуазные тенденции проявлялись ярче и вызревали быстрее.

Изменения в *экономическом положении* верхушки управленцев на селе были связаны, прежде всего, с увеличением возможностей распоряжения и пользования собственностью. В частности, исследования, проведенные в начале 1990-х гг. сектором социологии ИСПИ РАН под руководством В.И. Староверова, показали, что именно характер собственности, сложившийся в российской деревне в 1960–1970-е гг., стал почвой экономического и социального переворота в деревне. Руководители колхозов и совхозов, как подчеркивает В.И. Староверов, имели все права распоряжения и владения средствами производства хозяйств, осуществляли функции управления трудом, производством, доходом. Многие вопросы конкретной хозяйственной деятельности решались административно, «наверху», а их реализация осуществлялась председателями колхозов, директорами совхозов. Таким образом «сформировался социальный механизм собственности, типичный для управления в условиях частной собственности периода примитивного экономического управления раннего капитализма»⁶⁵.

Наращение возможностей экономической реализации права собственности сельскохозяйственных руководителей шло постепенно. В 1930-е гг. в документах советских и партийных органов появляются многочисленные свидетельства о так называемых злоупотреблениях председателей сельхозартелей, которые на деле являлись не чем иным, как реализацией потенциальных прав собственности. Так, в 1930–1950-е гг. председатели колхозов «массово», как говорилось в документах, распоряжались землей: «сдавали в аренду или продавали» землю сельхозартели, колхозные сенокосы, отпускали бесплатно или по пониженным ценам продукцию колхоза. Например, в 1944 г. председатель колхоза им. Чапаева Ставропольского края сдал в аренду сроком на 5 лет колхозный фруктовый сад площадью 110 га Ставропольскому ликеро-водочному заводу, в 1946 г. в Вожегодском районе Вологодской обл. в колхозах была распространена практика «расплачиваться землей за всевозможные услуги и работы»⁶⁶, в 1955 г. в колхозе им. Ленина Свердловской обл. председатель разрешил косить сено на колхозных лугах для личного скота⁶⁷. Одним же из самых главных изменений, отмеченных колхозниками и общественным мнением, было возрастание председательского пользования и распоряжения колхозной собственностью, нередко граничащее с неформальным полным правом собственности. Уже в 1930-е гг. в письмах колхоз-

ников в органы власти сообщалось о «самоснабжении» председателей колхозов. «Мануфактуру, шерсть делят по себе, хлебные квитанции берутся по себе», – сообщалось в редакцию «Крестьянской газеты» в 1938 г. из Куйбышевской обл.⁶⁸ Воронежские колхозники в том же году писали в «Крестьянскую газету» следующее: «Председатель прирезанного поросенка обменял на хорошего... самовольно взял себе поросенка 38 кг, а денег не платил... Кроме того, он выписал себе 100 руб. какой-то зарплаты... Для корма привез поросенку 1.3 ц жмыха... Из колхозной кладовой... выписывает: мед, масло, яйца и другие товары... только любимчикам»⁶⁹. Эти же процессы отражало и народное творчество⁷⁰. В. Тендряков в повести «Падение Ивана Чупрова» (впервые опубликована в 1953 г.) описывает, как председатель колхоза «накрывал стол» для приезжих за счет колхозных продуктов, брал колхозное кровельное железо на крышу своего дома. Бывший партсекретарь колхоза по этому поводу говорил: «Прибавилось в нем этакое “я решу” да “я сделаю”. Колхоз – это “я”. Сперва трудно отделить себя от колхоза, потом – свое от колхозного». Одна из колхозниц дала оценку этим действиям председателя на правлении колхоза: «Поговаривают люди: председатель – пан в колхозе, что душеньке надо, берет, не спрашивает»⁷¹. Осуждая своего героя, Тендряков, тем не менее, отмечает значимые изменения, происходящие в становлении протобуржуазного слоя. Результат реализации этих прав отразился в частушках конца XX в.: «Всей душой был за колхоз / И коммунизацию, / А теперь в районе я / Веду приватизацию»⁷².

Директора совхозов уже в 1930-е гг. принимали решения, свидетельствующие о реально большем объеме прав, чем это было закреплено в законодательстве о совхозах. В частности это касалось распоряжения землями совхоза. Например, прокурорская проверка, проведенная в 1934 г. в Азово-Черноморском крае, выявила «извращения закона о национализации земли»: совхозы сдавали землю в аренду колхозам для выпаса скота, для обработки⁷³. В 1971 г. в совхозе «Советская Россия» Аксайского района Ростовской обл. было выделено в полях севооборота в частное пользование 108 га земли, 36 га были отведены для этих целей в совхозе «Кузнецовский», 45 га в совхозе «Краснокутский», 79 га в совхозе «Койсугский» (все в Ростовской обл.)⁷⁴.

Важной особенностью экономического положения председателей колхозов, в отличие от директоров совхозов и тем более МТС, было то, что они обладали большей экономической свободой. Например, в их компетенции было право выбора развития приоритетных направлений хозяйства. И в этом деле они нередко проявляли себя как настоящие бизнесмены. Вот, например, описание действий председателя колхоза Евлампия Лыкова в военное время (повесть В. Тендрякова «Кончина»): «За две машины картошки можно было достать угловое железо, еще две машины – получишь стекло. Ни за какие деньги не найдешь мастеров-рабочих. За деньги нет – а за муку и масло – пожалуйста. Рабочие ставят теплицу. В этой теплице среди зимы вызревают помидоры и огурцы... Выкинь их на рынок – и вози деньги возами... Колхоз “Власть труда”, и без того раньше богатый, раздобыл сказочно – новые фермы, теплицы, электростанции, мастерские, подсобные заводи, – вкуче миллионные доходы!»⁷⁵. Председатель послевоенной поры Иван Чупров (повесть Тендрякова «Падение Ивана Чупрова») настаивал, чтобы на горях посеяли не хлеб, как хотели колхозники, а лен. «Выручили на льне сто сорок тысяч... Чупров уперся ... не дам делить! Будем строить свиначник на пятьсот голов!.. Через два года получили доход в четыреста тысяч. Построили молочную ферму»⁷⁶. В середине 1950-х гг. В. Овечкин описал действия председателя колхоза «Победа» Золотухина: «Выезжают на некоторых прибыльных вешах – на чесноке, конопле, клубнике. И умеют продавать свой товар... У Золотухина на столе каждый день свежие телеграммы – где что почем на колхозных рынках... Колхоз содержит в разных городах целый штат агентов по купле-продаже... Накупили лошадей в Ставропольщине – пригнали в Татарию, продали втридорога, заработали на этой операции двести тысяч рублей. В Казахстане покупали баранов, в Харькове торговали молдавским вином, в Ленинграде – кубанским рисом... Самое настоящее барышничество»⁷⁷. Подобным образом действовали и реальные председатели колхозов: И. Снимщиков,

председатель колхоза им. Кирова Балашихинского района Московской обл., брал заказы на пошив матрасов, изготовление джемов и соков, штамповку пластмассовой тары; украинский председатель В. Белоконь поставлял фрукты в Забайкалье⁷⁸. А. Салуцкий в конце советского времени подводит итог таким действиям председателей колхозов: «Хваткие председатели горы сворачивали. Надсаживая пупок, зарабатывали деньги... Например, знаменитый гусь-хрустальненский председатель Аким Горшков... предпринимчиво подрядился поставлять в столицу пятилетние саженцы для украшения улиц... и заработал на озеленении Москвы немалые средства, позволившие поднять колхоз»⁷⁹. Такого рода примеры можно приводить достаточно долго. Писатели, выступавшие в данном случае больше как публицисты-документалисты, констатировали важную черту экономической деятельности председателя колхоза – его умение выработать бизнес-стратегию, вести предпринимательское хозяйство, устанавливать контакты с другими хозяйствующими субъектами. Отметим, что на государственном уровне такая практика поощрялась. О председателях колхозов-миллионеров писали в газетах, их награждали званиями Героев Социалистического Труда. Напротив, плохой, необоротистый председатель, не умеющий вести хозяйство, властью осуждался. Соответственно богатым колхозам в первую очередь выделялись кредиты, подрядчики для строительства и т.д., что делало их еще более капитализированными, а председателей продвигало в становлении протобуржуазного статуса. К концу 1980-х гг. требование к председателю колхоза быть «экономистом, коммерсантом» формулировалось как одно из главных⁸⁰.

В отличие от председателей колхозов, директора совхозов первоначально были менее свободными в ведении предпринимательской деятельности, хозяйственный план совхоза жестко устанавливался и контролировался государством. Только в конце 1960-х и в 1970-е гг., когда совхозы были переведены на хозрасчет, директор совхоза мог действовать «предпринимательно». В этом плане яркий пример представляет собой деятельность руководителя казахстанского совхоза «Акчи» И.Н. Худенко. В 1969–1970 гг. ему был разрешен эксперимент, в ходе которого делалась ставка на «хозрасчетные рычаги», которые впоследствии были признаны «капиталистическими методами ведения хозяйства». В итоге Худенко попал под суд⁸¹.

Экономическое положение верхушки управленцев на селе определялось также особенностями оплаты труда. Оплата была выше, чем у остальных селян. Но более важным было другое обстоятельство: она была в большей степени «монетизированной». Первоначально труд председателей колхозов оплачивался трудовыми, они не получали твердой заработной платы. В то же время исследователи отмечают, что некоторые председатели колхозов уже во второй половине 1930-х гг. получали твердые ставки в трудоводнях, а иногда и в денежном выражении. Так, размеры ставки председателя колхоза в трудоводнях в конце 1930-х гг. доходили до 55 трудоводней в месяц. В некоторых колхозах председатели получали денежные выплаты, например в 1937 г. в колхозах Череповецкого района Вологодской обл. – до 200 руб. в месяц⁸² (при среднемесячной оплате труда в колхозах страны на 1940 г. около 12 руб.)⁸³. Постепенно начинается эволюция оплаты труда председателей в сторону увеличения денежной ее части, введения дополнительных выплат. В 1948 г. председатели колхозов начали ежемесячно получать денежную доплату в зависимости от общей суммы годового дохода колхоза (от 25 до 400 руб.)⁸⁴. Значительно монетизировалась оплата труда председателей колхозов в период пополнения их слоя городскими рабочими и управленцами в середине 1950-х гг. С середины 1960-х гг. уровень оплаты труда председателей колхозов приближается к уровню оплаты директоров совхозов. Начиная с 1964 г. экономически слабым колхозам рекомендовалось устанавливать размеры должностных окладов председателям колхозов на уровне должностных окладов директоров совхозов с соответствующим объемом производства продукции⁸⁵. В середине 1960-х–1980-е гг. оплата труда председателей колхозов серьезно опережала оплату труда других категорий колхозников. В 1965 г. среднемесячная оплата труда председателя колхоза РСФСР составляла 200 руб., тогда как среднемесячная денежная заработная плата в колхо-

зах – 50 руб.⁸⁶; в 1985 г. председатели колхозов Европейского Севера России получали заработную плату 360 руб. в месяц, тогда как средняя по стране денежная заработная плата в колхозах составляла 153 руб.⁸⁷

В отличие от председателей колхозов, оплата труда директоров совхозов и МТС производилась по должностным окладам. При расчете зарплаты директоров совхозов учитывались размер хозяйства, стаж работы, образование. Так, с 1954 г. заработная плата директоров совхозов устанавливалась в размерах от 95 до 160 руб. (в зависимости от образования и группы, к которой относился совхоз), а также процентные надбавки к должностным окладам от 7 до 20% в зависимости от стажа работы (для сравнения: заработная плата постоянных рабочих совхозов СССР по данным на август 1955 г. составляла 53 руб.)⁸⁸. Эволюция оплаты труда директоров совхозов шла в направлении роста «рыночной» составляющей. С 1957 г. оплата труда им назначалась в зависимости от объемов реализации продукции, с 1970 г. предусматривались стимулирующие премии и надбавки⁸⁹.

Оплата труда директоров МТС производилась из госбюджета. С 1952 г. должностной оклад директора МТС устанавливался в размере от 98 до 160 руб. (в зависимости от образования директора и мощности тракторного парка МТС), что примерно соответствовало уровню зарплаты директора совхоза. После 1956 г., когда МТС было решено переводить на хозрасчет, система оплаты труда директоров МТС менялась в зависимости от рентабельности предприятия.

Реальные доходы сельскохозяйственной верхушки были выше, чем заработная плата, и имели более обширные и разнообразные источники пополнения.

Еще одной важной чертой, характеризующей экономическое место руководителей сельскохозяйственного производства, является их роль в распределении доходов среди других работников. Большими полномочиями в этом плане обладали председатели колхозов. «Председатель или бригадир со счетоводом так прижмут тебя, – пишет В. Овечкин, – что света белого не взвидишь. И наряды будут давать тебе самые невыгодные по оплате работы, и табеля запутают так, что в конце года не досчитаешься половины трудодней... и оштрафуют в пятикратном размере»⁹⁰. Большую роль играл председатель колхоза и в назначении на «хлебную» должность, в разрешении отпуска колхозников на сезонные работы или на отъезд: без согласия председателя справка для получения паспорта председателем сельсовета выдавалась крайне редко.

Директора МТС и директора совхозов обладали в этом плане меньшими экономическими правами – правом распределять фонд директора, выписывать премии. Правда, в то же время они могли распоряжаться более крупными государственными средствами. Например, директора совхозов, а позднее и председатели колхозов, нередко заключали договора с шабашниками, позволявшие им «отмывать» крупные суммы денег⁹¹. В целом сельское хозяйство имело колоссальные теневые обороты, составлявшие по СССР в 1960/61 гг. 0.6 млрд руб. в год, в 1989/90 гг. – 23 млрд руб. в год⁹².

Таким образом, *экономическое положение* верхушки сельскохозяйственных управленцев определялось ее местом в отношениях собственности. Постепенное овладение капиталами колхозов и совхозов, увеличивавшиеся права в распоряжении и пользовании ими вели к необходимости легализации буржуазного статуса. Со стороны государства имели место попытки выстроить иерархию этого слоя, когда одна его часть (директора МТС и совхозов) рассматривалась как «агенты» влияния в отношении колхозов, что повышало их управленческий статус. Но председатели колхозов пользовались большей экономической свободой, могли формировать бизнес-стратегии, работать на прибыль, что продвигало их в становлении предпринимательского статуса. Тем не менее, выявляется явное сходство в положении разных слоев сельской протобуржуазии: все они были связаны с растущей реализацией прав собственности, пользовались патронатом государства, были лучше материально обеспечены и демонстрировали экономическое превосходство над работниками своих предприятий.

Одной из важнейших ментальных характеристик категории сельскохозяйственной протобуржуазии являются базовые черты *самосознания* ее представителей. Значимым

и ценным качеством было чувство «настоящего хозяина», соответствующее мышление и образ действий. При этом дела колхоза рассматривались как неразрывные с личностными устремлениями – как «свое, кровное». Например, в дневнике председателя одного из колхозов Курской обл. Е. Маслова 26 сентября 1951 г. отмечалось: «Мечусь, как в угаре. ...У нас же до сих пор гречиха не убрана, 160 гектаров ржи не обмолочено. Пшеницу только свезли с поля. Начали копать сахарную свеклу... В третьей бригаде, что расположена в Нижних Деревеньках, нет настоящего хозяина. Нужно что-то предпринимать»⁹³. 3 октября 1951 г. этот же председатель колхоза пишет: «Прогноз предсказывает заморозки, а у нас картофель еще не убран, молотья остановилась. Подготовка к зиме ведется плохо». Такого рода записи являются, пожалуй, самыми частыми в дневнике Е. Маслова. Председатель колхоза Ананий Егорович из повести Абрамова «Вокруг да около», опубликованной в 1963 г., горюет о заготовке кормов во время дождливой погоды: «Да, еще дня два – и прощай сено. Полный разор колхозу»⁹⁴. Приведенные размышления председателей колхозов кажутся достаточно типичными, неоднократно транслируются в произведениях деревенской прозы, публицистике Ф. Абрамова, В. Овечкина, А. Яшина, кинофильмах, драматургических произведениях 1930–1980-х гг. Тем не менее, вопрос об их интерпретации в контексте изучения самосознания категории сельской протобуржуазии даже не был поставлен. Одно из объяснений все же было предложено в 1990-е гг.: «Лучшие председатели колхозов и в прошлые времена и в нынешние – самая крепкая крестьянская кость»⁹⁵. Вряд ли сложившееся мнение о родстве менталитета председателей колхозов и крестьян можно считать верным. Председатель колхоза, как и директор совхоза и МТС, мыслит крупными категориями общественного производства, представлял место своего хозяйства в народно-хозяйственном комплексе района и области, обладал прогрессивным, технократическим, «государственным» мышлением. При этом хозяйственные интересы предприятия оберегались им очень настойчиво. А. Салуцкий описывает, как на исходе 1980-х гг. он предложил одному из «крепких» председателей присоединить к своему колхозу отстающее, «погибающее» хозяйство. «Реакция была резко отрицательная... Председатель колхоза... намекнул, что поставлен отвечать за свое хозяйство, а до других ему и дела нет: “У нас... прибыль уменьшится, развиваться не сможем”»⁹⁶.

Часто отмечались в архивных документах, публицистике и прозе такие черты верхушки сельскохозяйственных управленцев, как ориентация на внеэкономические методы организации производства в 1930-х гг., и на экономические рычаги – начиная со второй половины 1940-х – 1950-е гг., в частности на материальное стимулирование колхозников, пусть и не поощряемое государственной властью. Вызревание понимания необходимости этого перехода относится, видимо, к началу 1950-х гг. Председатель архангельского колхоза Лукашин из повести Ф. Абрамова «Пути-перепутья» в начале 1950-х гг. говорит секретарю райкома Подрезову: «По старому нельзя... Я ведь только и знаю, что кнутом размахиваю. Потому что кроме кнута да глотки у меня ничего нет. А надо бы овсецом, овсецом, лошадку погонять»⁹⁷. В дневнике курского председателя колхоза Е. Маслова читаем: «Надо колхозников заинтересовать. Но попробуй, заинтересуй, осудят и посадят, как нарушителя Устава. Сделать пока, для начала, по-своему, втихаря? Невозможно. За каждым шагом следят. Берегись, председатель! ...рискуй, крой надвое: либо пан, либо пропал; либо сена клоч, либо вилы в бок»⁹⁸. Председатель колхоза из Орловской обл. Е. Лежепевков в середине 1950-х гг. публично предлагал платить колхозникам 50–60% от дохода колхоза, выдавать 30–40% выращенного хлеба⁹⁹. Архангельский председатель колхоза из публицистической повести Ф. Абрамова «Вокруг да около» в начале 1960-х гг. принял решение выделять на индивидуальных коров 30% заготовленного колхозного сена, хотя по закону полагалось не больше 10%¹⁰⁰. Интересно, что такая деятельность председателей колхозов, как правило, оценивалась властью в «старой» терминологии. Так, об орловском председателе на пленуме обкома КПСС было сказано: «У него гнильца завелась»¹⁰¹. Председателю колхоза Е. Маслову в райкоме КПСС дали оценку: «Кулацкие замашки... Типичный кулак!». В сознании сельской протобуржуазии присутствовало понимание своей обособленности

как категории. В частности, это касалось противопоставления себя районному звену власти. Председатель колхоза Е. Маслов в дневнике отмечал: «Там, наверное, члены бюро в кабинете секретаря корпят над сводками, выискивают жертву для очередной накачки. А где-то вот так же, как и я, мой собрат-председатель с грустной думой вышагивает по грязи... Эх, политика!.. А я вот мотаюсь, как хлыст пастуший перед оголтелым стадом, и ничего не могу сделать... Эх, судьба председательская!.. И на хозяйстве душно и в квартире тесно. Чувствуешь себя стесненно, неловко, будто в чем-то перед кем-то виноват»¹⁰². Как отмечается в исследованиях, «тихое» сопротивление председателей колхозов командам «сверху» было перманентным и не зависело от состава председателей колхозов. Даже в обновленном в 1950-е гг. председательском корпусе постоянно воспроизводились формы и методы хозяйственной деятельности, с которыми активно боролись партийные и административные органы¹⁰³. Следовательно, такого рода борьба за власть являлась формой отстаивания корпоративных интересов, поиском своей ниши в формирующейся социальной стратификации протобуржуазного слоя. Оформление особой ментальности выражалось и в их меняющемся внешнем облике. Е. Дорош, описывая облик председателя колхоза-миллионера довоенных лет, отмечает: «Это неприметный пожилой человек в обвислом овчинном полупальто с грубой шинельной покрывкой, в сдвинутой на затылок шапке с опущенными ушами»¹⁰⁴. Типичное изменение образа председателя колхоза во времени описал В. Тендряков: «Евламий Лыков перерождался у всех на глазах... Золотой характер, и штаны носил с заплатами. Теперь в залатанных штанах неудобно... встречаться приходилось с директорами заводов, с начальниками строительства... по крупному ворочаешь... Стал даже на шею цеплять галстучек, а вместе с галстучком и заговорил на базах»¹⁰⁵. Типичность, «буржуазность» облика председателей колхозов была внешним и весомым знаковым элементом, выделявшим их из массы селян.

В целом в 1930–1980-е гг. сознание председателей колхозов, как и других представителей верхушки управленцев на селе, по описанным знаковым его составляющим эволюционировало в сторону увеличения буржуазных элементов. При этом оно формировалось как сознание наиболее активной протобуржуазной части общества, непосредственно связанной с производством, вынужденной испытывать определенные унижения и лишения на пути оформления своего протобуржуазного статуса, осознавать и бороться за свои интересы. Видимо, можно говорить о сформированности протобуржуазных элементов сознания к началу 1950-х гг., когда общественным идеалом слоя становится «хороший, крепкий хозяин», способный материально поддержать работников предприятия, смело ведущий себя в отношениях с властью, умеющий «буржуазно» выглядеть – носить цивильный костюм, галстук, обладающий «городскими» манерами.

Таким образом, капитализировавшаяся аграрная экономика предопределила эволюцию сельского социума и, прежде всего, формирование протобуржуазии. Сила и устойчивость протобуржуазной эволюции была обусловлена массовым рекрутированием в данный слой представителей других социальных категорий, способных обеспечить функционирование складывавшегося социально-экономического строя – менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии и даже социальных низов. В этом был источник состоятельности советской системы создания элит.

Формирование протобуржуазии происходило из управленческой верхушки, так как, прежде всего, в среде директоров совхозов, директоров МТС, председателей колхозов осуществлялось перерождение управленца в человека, способного принять на себя груз собственности, в чем и заключалась, на наш взгляд, сущностная черта протобуржуазности. За колхозно-совхозное 60-летие произошла смена источников пополнения этого слоя: от внутридеревенского, с ориентацией на политически благонадежного и, желательно, малоимущего односельчанина, к внедеревенскому, построенному на критерии профессиональной подготовленности руководителя. Главные изменения правового положения верхушки сельскохозяйственных управленцев были связаны с законодательно оформленным и реализуемым на практике усилением прав

собственности, выделением этой группы как привилегированной в правовом и материальном аспектах. Эволюция ее экономического положения связана с нарастанием управленческо-распорядительных возможностей в рамках колхозно-совхозной экономики, расширением нелегитимизированных форм присвоения, складыванием признаков особой групповой зажиточности. Изменения в правовом и экономическом статусе чутко улавливались сельским населением и оказались широко отражены в народных представлениях о сельской власти. Особенностью формирования сельскохозяйственной протобуржуазии было разграничение прав собственности с «вышестоящими» руководителями и укрепление командных функций на своем «социальном этаже». Ярчайшим проявлением поведенческо-ментальной эволюции протобуржуазии села стало формирование особого мировоззрения, стиля поведения, отличающегося от других социальных слоев.

Примечания

¹ См. подробнее: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005; *их же.* Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44; *их же.* Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–121.

² *Nove A.* Political Economy and Soviet Socialism. L., 1979; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992; *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; и др.

³ *Bernham J.* The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y., 1941.

⁴ *Becker G.* Human capital: theoretical and empirical analysis, with special reference to education. N.Y., 1964.

⁵ Внутрикласовые изменения крестьянства. Минск, 1966. С. 14.

⁶ *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 334; и др.

⁷ *Рыбкина Р.В.* Социология села // Социология в России. М., 1998.

⁸ *Староверов В.И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978.

⁹ *Заславская Т.И.* Социальная структура России: главные направления перемен // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 169.

¹⁰ *Сенявский А.С.* Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Социальные трансформации в российской истории. Доклады международной научной конференции. Екатеринбург; Москва. 2004. С. 91.

¹¹ Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М.; Л., 1932. С. 122–123; Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957. С. 145; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Ч. IV. Баланс и кадры. М., 1940. С. 110–111; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 470–473; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 448; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегодник. М., 1988. С. 311.

¹² Народное хозяйство СССР. М.; Л., 1932. С. 122–123; Народное хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 211; Профессиональный состав населения РСФСР по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. С. 25; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Стат. ежегодник. М., 1966. С. 348; РСФСР за 50 лет. Стат. сборник. М., 1967. С. 103; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Стат. ежегодник. М., 1970. С. 294; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1981. С. 367; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 311.

¹³ История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 391; Выполнение плана по сельскому хозяйству на 1 октября 1938 г. (основные показатели). М., 1938. С. 14; Народное хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 215.

¹⁴ Народное хозяйство СССР. М.; Л., 1932. С. 122–123; Народное хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 145, 211; Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Ч. IV. С. 110–111; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 470–473; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 448; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 302, 311; Профессиональный состав населения РСФСР по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 25; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 348; РСФСР за 50 лет. С. 103; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. С. 294; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1981. С. 367; Народное хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 49; Труд в СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 76.

- ¹⁵ История крестьянства СССР. Т. 2. М., 1986. С. 246.
- ¹⁶ *Ларькина Е.И.* Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М., 1960. С. 95.
- ¹⁷ Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 237.
- ¹⁸ *Радов Г.* Председательский корпус. М., 1975. С. 10.
- ¹⁹ История крестьянства СССР. Т. 2. С. 153.
- ²⁰ *Тендряков В.* Кончина // *Тендряков В.* Собр. соч. Т. 4. М., 1988. С. 21.
- ²¹ *Радов Г.* Указ. соч. С. 10.
- ²² Общество и власть. 1930-е годы. М., 1998. С. 266; РГАСПИ, ф. 17, оп. 138, д. 332, л. 10.
- ²³ Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 60.
- ²⁴ *Тюрина А.П.* Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов // Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 250.
- ²⁵ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 323–331.
- ²⁶ *Денисов Ю.П.* Кадры председателей колхозов в 1950–1968 гг. // История СССР. 1971. № 1. С. 43.
- ²⁷ *Овечкин В.* Районные будни // *Овечкин В.* Гости в Стукачах. М., 1978. С. 411–412.
- ²⁸ *Тюрина А.П.* Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965–1980. М., 1982. С. 81.
- ²⁹ *Богденко М.Л.* Основные проблемы развития совхозов в 1954–1955 гг. // Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 175.
- ³⁰ Совхозы VII Всесоюзному съезду Советов. М., 1935. С. 34.
- ³¹ Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 144.
- ³² *Богденко М.Л.* Указ. соч. С. 176, 178.
- ³³ Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 463.
- ³⁴ *Вайнер М.Г., Твердовский В.П.* Машинно-тракторные станции к XV годовщине Октября. М., 1932. С. 55.
- ³⁵ *Тюрина А.П.* Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов. С. 247.
- ³⁶ Утерли нос соседям // <http://www.donbass.dn.ua/2007/01/21351/21351-07.php?fotka=21351-07>.
- ³⁷ Липецкая энциклопедия. Т. 2. Липецк, 2000. С. 165–166.
- ³⁸ Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников – ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 529.
- ³⁹ 740 вопросов и ответов по колхозному законодательству. М., 1961. С. 84.
- ⁴⁰ Примерный Устав сельскохозяйственной артели... С. 529.
- ⁴¹ Закон Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3.
- ⁴² Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 28 ноября 1969 г. «О примерном уставе колхоза» // Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971 гг.). М., 1971. С. 434.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ О порядке рассмотрения дел о преступлениях по должности председателей колхозов. Постановление Пленума от 22 августа 1947 г. // Сборник действующих постановлений пленума Верховного Суда СССР (1924–1951). М., 1952. С. 98.
- ⁴⁵ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами от 25 марта 1955 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 60–64.
- ⁴⁶ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). М., 1975. С. 389.
- ⁴⁷ Примерный устав колхоза (принят IV Всесоюзным съездом колхозников 25.03.1988) // <http://ondatr.ru/content/view/2315/26>
- ⁴⁸ *Ковалева Л.* Оружие слабых: село Александровка и Плотниково (преданализ) // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 325, 328.; История семьи Крутовых // Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах.

- М., 1996. С. 33; Общество и власть... С. 267; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 24, д. 581, л. 86.
- ⁴⁹ История семьи Крутовых. С. 24.
- ⁵⁰ Общество и власть... С. 266.
- ⁵¹ Там же. С. 368.
- ⁵² *Никулин А.* Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского общества // Рефлексивное крестьяноведение ... С. 356.
- ⁵³ *Яковлев Я.А.* Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М., 1933. С. 27–28; Известия. 1937. 16 февраля.
- ⁵⁴ *Маслов С.С.* Колхозная Россия. М., 2007. С. 191.
- ⁵⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 24, д. 589, л. 65.
- ⁵⁶ *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 25.
- ⁵⁷ Там же. С. 75.
- ⁵⁸ *Коваленко Н.И.* Организация управления совхозами в СССР (1917–1937). М., 1980. С. 148.
- ⁵⁹ О подсудности дел в отношении директоров совхозов, совхозных трестов и их заместителей, а также должностных лиц всех видов промышленности не ниже директоров, их заместителей и главных инженеров. Постановление 47 Пленума от 7 июня 1934 г. // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1951). С. 97–98.
- ⁶⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов» от 28 ноября 1935 г. // Собрание законов и распоряжений рабочекрестьянского правительства СССР за 1935 г. М., 1947. С. 906.
- ⁶¹ *Зеленин И.Е.* Зерновые совхозы СССР (1933–1941). М., 1966. С. 38.
- ⁶² Положение о социалистическом государственном производственном предприятии. Утверждено постановлением СМ СССР от 4 октября 1965 г. // Собрание действующего законодательства СССР. Т. 29. М., 1974. С. 162–180.
- ⁶³ О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 апреля 1967 г. // Собрание действующего законодательства СССР. Т. 29. С. 204.
- ⁶⁴ О подсудности дел в отношении директоров совхозов, совхозных трестов и их заместителей, а также должностных лиц всех видов промышленности не ниже директоров, их заместителей и главных инженеров // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. С. 97–98.
- ⁶⁵ *Староверов В.И.* Новое качество социостратификационной структуры современной России и проблемы ее анализа // Россия накануне XXI в. Вып. 2. М., 1995. С. 162–163.
- ⁶⁶ Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 2522, оп. 8, д. 158, л. 124; РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 602, л. 8.
- ⁶⁷ *Безнин М.А.* Колхозный двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М., 1991. С. 98.
- ⁶⁸ Общество и власть... С. 271.
- ⁶⁹ Там же. С. 279.
- ⁷⁰ Деревенская частушка XX века. СПб., 2006. С. 67; Самиздат века. Минск; М., 1997. С. 762.
- ⁷¹ Дорогой ценой... Писатели о русском крестьянстве середины XX века. М., 1989. С. 91, 101.
- ⁷² Мезенские частушки. Архангельск, 1994.
- ⁷³ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Док-ты и мат-лы. Т. 4. М., 2002. С. 310.
- ⁷⁴ *Наухацкий В.В.* Наемный труд в колхозах и совхозах в 1950–1980-е годы: правовой и институциональный статус. Тезисы научного доклада. Ростов н/Д., 2007. С. 34.
- ⁷⁵ *Тендряков В.* Собр. соч. Т. 4. С. 104–105.
- ⁷⁶ Дорогой ценой... С. 87.
- ⁷⁷ *Овечкин В.* Районные будни. С. 521–522.
- ⁷⁸ *Добнев А.Е.* Битва за урожай // <http://www.a-t-i.ru/index.php?page-issue&pid=100075&sub-100003&item-100076>.
- ⁷⁹ *Салуцкий А.* Слабые и сильные // *Ланищев А., Салуцкий А.* Крестьянский вопрос вчера и сегодня. М., 1990. С. 20.
- ⁸⁰ Правда. 1987. 29 марта.
- ⁸¹ *Добнев А.Е.* Указ. соч.

- ⁸² Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 271, 283.
- ⁸³ Труд в СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 143.
- ⁸⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 484–485.
- ⁸⁵ Там же. Т. 4. М., 1968. С. 454.
- ⁸⁶ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. С. 191; РСФСР за 50 лет. Стат. сборник. М., 1967. С. 144.
- ⁸⁷ Труд в СССР. С. 143; Гулин К.А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 52.
- ⁸⁸ Постановление СМ СССР, ЦК КПСС от 6 марта 1951 г. «О заработной плате работников совхозов и конных заводов системы Министерства совхозов СССР» // http://www.spbpravo.ru/docs_sscr.php?id=6943; Оплата труда в совхозах и колхозах. М., 1968. С. 8.
- ⁸⁹ Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий. М., 1963. С. 235–236; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1972. С. 235–241.
- ⁹⁰ Овечкин В. Районные будни. С. 397.
- ⁹¹ Наухацкий В.В. Указ. соч. С. 34–37.
- ⁹² Теневая экономика. М., 1991. С. 16.
- ⁹³ Маслов Е. Дневник председателя колхоза // Подъем. 2005. № 7.
- ⁹⁴ Дорогой ценой... С. 315.
- ⁹⁵ Салуцкий А.С. Слабые и сильные... С. 30.
- ⁹⁶ Там же. С. 66.
- ⁹⁷ Абрамов Ф. Пути-перепутья // Абрамов Ф. Братья и сестры. М., 1982. С. 487.
- ⁹⁸ Маслов Е. Указ. соч.
- ⁹⁹ Кузнецов Ю.В. Сельская «элита»: председательский корпус орловских колхозов в период аграрных реформ Н.С. Хрущева // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Орел, 2006. С. 497.
- ¹⁰⁰ Абрамов Ф. Вокруг да около. С. 356–359.
- ¹⁰¹ Кузнецов Ю.В. Указ. соч. С. 497.
- ¹⁰² Маслов Е. Указ. соч.
- ¹⁰³ Кузнецов Ю.В. Указ. соч. С. 498.
- ¹⁰⁴ Дорогой ценой... С. 141.
- ¹⁰⁵ Тендряков В. Кончина // Тендряков В. Собр. соч. Т. 4. С. 62.

© 2010 г. Е.В. ВОЕЙКОВ*

«ТОРФЯНЫЕ ПЯТИЛЕТКИ» В ПОВОЛЖЬЕ – ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ 1930-х годов

Современным жителям России, «избалованным» за последние десятилетия дешевым нефтегазовым топливом, трудно себе представить, что в период первых пятилеток на торфе в Советском Союзе работали десятки электростанций и сотни промышленных предприятий. Применительно к периоду 1930-х гг. можно говорить об уникальном экономическом эксперименте в СССР по крупномасштабному внедрению в экономику местных видов топлива: дров, торфа, горючих сланцев. Ввод в строй тысяч новых предприятий, необходимость обеспечения боевой техникой и появление в стране сотен тысяч автомобилей вело к резкому увеличению потребления топлива. Однако добыча угля и нефти росла слишком медленными темпами. Вторая нефтяная база страны в Урало-Поволжье («Второе Баку») вплоть до войны не могла выйти на промышленные объемы добычи. Во второй половине 1930-х гг. советскими заводами были выпущены

* Воейков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в Пензе).